

Людмила Вениаминовна ВЛАСОВА

* * *

Жизнь можно проклинать, что не легка,
И спорить с мертвыми за право быть в земле,
И, обвинив в судьбе своей стрелка,
Беспечной уподобиться стреле.

А можно жить, как полагаю я,
Вливая в явь по капле сладкий яд,
Настоянный вдали от суеты
На трупике несбывшейся мечты.

ТЕТРАДЬ

Гудит в печи огонь, как шмель сердитый.
Для глаз чужих моя душа открыта.
Сейчас она, как будто шутки ради,
Вся поместилась в маленькой тетради.

Я сомневаюсь — а она бесстрашна.
Готова жить, и умереть согласна.
Не держит зла, добра не замечает...
Жива тогда, когда ее читают.

* * *

Твоё непонимание меня
Естественно, ведь я – чужое тело.
Не в этом дело, но тебя задело
И то, что я хотела быть одна.

Моё непонимание тебя
Естественно, ведь ты душа чужая.
Ведь так легко любить, уничтожая,
И уничтожить, искренне любя.

А на слова, что сказаны едва,
Твои права оправданы. Отчасти.
И я такая. Видно, такова
Структура человеческого счастья –

Когда любовь – лишь только торжество
Эгоистичной сущности его.

МАРГАРИТА

Как-то Воланд сказал Маргарите,
В час, когда был окончен бал:
“Никогда ни о чем не просите”.
Я запомнила, что он сказал.

Когда счастье моё, случилось,
Было в чьих-то руках на миг,
И слова с языка срывались,
Я прикусывала язык.

Потому что я знала довольно,
Чтоб ценить хороший совет.
Потому что бывает больно,
Если кто-то ответит “нет”.

Потому что я понимала,
Как легко сгореть со стыда.
Потому что мне будет мало,
Если кто-то ответит “да”.

АВГУСТ

Все как будто по-летнему.
Солнце в небе сиреновом.
Время острого сожаления
О потерянном времени.

Это — взгляд за стеклом,
беспощадный и резкий,
Звезд, отмытых дождем
До холодного блеска.

Август — для размышления.
Долго держатся росы.
Время острого сожаления
О нечаянной осени.

И закрылась бы, кажется,
Если были бы ставни,
За окошком качается
Паутиновый саван.

Грозно чье-то веление
В ветре, с севера дующем.
Время острого сожаления
О прошедшем и будущем.

* * *

Хрусткое сено, в лохматых валках
Скрученных кругом ломких волокон,
Тусклый и серый блеск в волосах
Сорной соломки, впутанной в локон,
Колких стеблей голенастый излом,
Розовый клевер, и в смерти красивый...
Лето порадовало теплом —
Высохло все, что с утра накосили.
Высохло все, что цвело лишь вчера,
Стало шуршащим шелком и сталью.
И обжигающе дышит жара

С неба, покрытого синей эмалью.

* * *

Мечты всегда реальности светлей.
Прекрасней, осязаемей и чище.
Вот только где они находят пищи
В стране души истерзанной моей?

Да, я отлично помню, как зовет
За счастьем бесконечная дорога.
Но как же потрясающе убого,
Что двигаться возможно лишь вперед!

И хочется отстать на полпути,
Остаться и построить хату с краю.
И хоть в душе своей стремиться к краю,
Но по дороге этой не идти...

* * *

Друзья молчат, письма не присылают.
Ну что ж, и у меня полно забот.
Судьба не дарит — только отнимает,
И выбора как будто не дает.

Что ни клади ан жертвенник в угоду
Мечте — себя обманешь заодно.
И если не любовь — тогда свободу,
Но каждый миг теряешь все равно.

И если не покой — талант и дружбу.
Все это лишь потерь привычных ряд...
Друзья молчат — пожалуй, знать не нужно,
кто прав из нас, а кто не виноват.

* * *

И что с того, что молчаливым снегом
Опять покрылась мерзлая земля?
Весна живет в переплетеньи веток,
Когда вблизи глядишь на тополя.

Пусть по ночам луны трехдневной серпик
Несет мороз декабрьской поры —
Весна живет и эту стужу терпит
Под желтоватой плёночкой коры.

ЗАПОТЕВШЕЕ ОКНО

Осенние стекла все плачут и плачут.
Сливаются вместе мельчайшие капли.
Зачем эти слезы, и что они значат?
Ведь нету души у окошек, не так ли?

Ведь нету души у железного бака —
Облеплена ржавая крышка листвою...
Мне рада она лишь цепная собака —
А небо над миром такое пустое.

ПЛАНОВАЯ РЕАНИМАЦИЯ

Мне видно немного – лишь глупый рисунок
Обоев и неба кусочек в окне.
Безжалостно- трезвый бродяга-рассудок
Свой дом отыскал и вернулся ко мне.

А значит, сначала – теперь уж обвалом –
Обрушится память, отправится в путь,
Как поезд с вокзала, где я отдыхала,
С начального пункта, где сказано “будь”.

Расправится парус, откроются двери,
Пустые закрутятся жернова,
И ринутся мысли, как дикие звери,
Привычно себя облакая в слова.

А значит, опять — чтобы только не грызла
Тоска о несбывшемся — надо идти,
Считая лишенной житейского смысла
Знобящую тайну земного пути.

* * *

Блеск воды на листьях вишен.
Краски ярче с каждым днем,
Словно акварелью пишет

Мелкий дождик за окном.
Тополь к небу тянет руки —
У него печаль своя.
Тоньше запахи и звуки,
Тоньше листьев кисея.

Горький дым, туман и сырость...
Все пустее небосвод.
Листья сыплются на милость
Вечных дворничьих забот.

Дворник тоже любит осень,
Он хмелеет в сентябре.
От охапкой осень носит
И сжигает на костре.

* * *

Был жаркий день, из тех, что дышат зноем —
Он изнурял, высушивал, давил.
И над асфальтом, словно над плитой,
Нагретый воздух, колыхаясь, плыл.

Машины проносились, обгоняли,
А на участке трассы у реки,
Как камни драгоценный, лежали
То сбитые стрекозы, то жуки.

И были панцири и латы из роскошны —
Там изумруд, там золото и медь...
случайных жертв так было жаль, но все же
Из было слишком много, чтоб жалеть.

Сочилась жизнь сквозь трещины в доспехах
Под взглядом дня, и впитывалась в ткань
Земли, травы, березы и ореха,
Природе в срок уплачивая дань.

Наполнен воздух был стрекоз мельканьем,
Ленивым, усыпляющим теплом,
И вечным жизни в смерть перетеканьем,
И несомненным жизни торжеством.

* * *

Бежали капли с крыши все быстрее.
Весь день нетерпеливо — тяжело
Соцветием сиреневой сирени
Стучался дождь в оконное стекло.

Соцветием, пропитанным как губка
Потоками безудержной воды,
в котором где-то притаился крупный
Зеленый жук, вцепившийся в цветы.

Он ошалел от солнечного лета,
Где каждый лист окончился звездой.
И мокрый куст казался мне букетом,
Обрызганным для свежести водой.